

ДЕТЕКТИВ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

ЧИНГИЗ
АБДУЛЛАЕВ

*Город
заблудших
душ*

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

А13 **Абдуллаев, Чингиз Акифович.**
Город заблудших душ / Чингиз Абдуллаев. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Абдуллаев. Детектив на все времена).

ISBN 978-5-699-93748-6

Мирная жизнь маленького кавказского городка оборвалась внезапно: с гор спустилась банда головорезов. Жители оказались беззащитны перед жесточайшим беспределом: убийства, грабежи, насилие. Кто остановит боевиков? В городе всего три милиционера, но и те погрязли во взятках, воровстве и рэке. Вызвать помощь невозможно — телефонная связь «обрушена»... И все же нашелся человек, который преградил путь головорезам и принялся планомерно истреблять банду. Единственный, кто остался человеком в этом городе заблудших душ...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93748-6

© Абдуллаев Ч.А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ком городского типа. В конце шестидесятых сюда даже провели газ. В семидесятые поселок разросся до размеров небольшого города и получил городской статус уже в семьдесят четвертом году. Тогда это было оживленное место — здесь проходила шоссейная дорога, ведущая в южные кавказские республики. Именно тогда сюда впервые приехала болгарская делегация, чтобы запустить сразу две линии на строящемся консервном заводе. Местная электростанция, расположенная в восьми километрах отсюда, давала достаточно энергии, чтобы спроектировать и построить здесь такое большое производство. Городской отдел милиции насчитывал двадцать два сотрудника. Город постоянно рос за счет прибывающих сюда молодых специалистов и просто людей, переезжавших в эти горные места из-за прекрасного чистого воздуха, который был так полезен астматикам и людям с заболеваниями дыхательных органов.

Все начало меняться с конца восьмидесятых. В ноябре восемьдесят девятого года начались перебои с поставками сырья на консервный завод. Сюда с юга завозили помидоры и огурцы, которые потом мариновались по болгарским рецептам. В девяностом поставки почти прекратились.

На консервном заводе начали сокращать работников. В городе был не только большой завод, работающий на поставках южной продукции, но и обувной комбинат, а также небольшая фабрика по переработке шерсти. Тогда город находился далеко от границы, и никто не мог подумать, что вскоре граница окажется совсем недалеко от этого места.

Консервный завод закрылся в девяносто первом, как только полностью прекратилась поставка помидоров и огурцов из южных республик. Затем закрылась фабрика, куда перестала поступать шерсть. Дольше всех продержался обувной комбинат, примерно до середины девяносто третьего года. Но в марте этого года на окраине города произошла вооруженная стычка между местными жителями и приезжими из западных областей. Погибших было человек сорок с обеих сторон, но незваные гости отступили и, уходя, подожгли комбинат. Было непонятно, зачем они это сделали, ведь там производили легкую пляжную обувь, которая никому не мешала. Комбинат горел два дня, распространяя вокруг удушливое зловоние.

А затем в городе стало очень тихо. Как будто люди, прятавшиеся по своим домам, решили

взять паузу и обдумать свое положение, пытаясь понять, как они будут жить дальше. И на следующий день из города начали выезжать машины. Сначала грузовые, которые вывозили имущество местных жителей, а затем и легковые, которые везли самих жителей.

Все понимали, что «гости» с запада могут нагрянуть еще раз, а город, вдруг ставший прифронтовым, не смог бы защитить своих жителей. На восемь оставшихся милиционеров приходилось больше тридцати тысяч человек. Через несколько лет здесь осталось четверо милиционеров и только шесть тысяч человек. Все три работающих предприятия были закрыты, и город стремительно пустел.

Еще через несколько лет в полупустом городке, уже снова превратившемся в прежний поселок городского типа, оставалось не больше четырех тысяч жителей, в основном стариков и женщин с детьми. Некоторые уехали в соседний город на химический комбинат, в ста двадцати километрах отсюда. Уезжавшие туда немногочисленные мужчины, из тех, кому некуда было больше податься, обычно оставались там на пять дней и возвращались только в выходные, чтобы в понедельник в шесть часов утра отправиться об-

ратно на двух битых, старых автобусах, которые зимой обычно ломались в пути, и тогда до комбината приходилось добираться на попутных машинах, не так часто появлявшихся в этих местах. Выручали военные, чьи машины иногда проходили по этой дороге.

В этом городе никогда не работали мобильные телефоны. Зажатый между двумя высокими горными склонами, он не мог завести собственную ретрансляционную станцию, и даже общедоступные телевизионные каналы часто демонстрировались здесь с некоторыми искажениями. Городские телефонные линии работали благодаря единственному кабелю, протянутому еще в шестидесятые годы. К началу XXI века в городе оставалось только три милиционера. Четвертый вышел на пенсию и уехал в Астрахань к своим детям. Вот так все и жили, пока не пришла большая беда.

ГЛАВА 1

Начальник городской милиции сидел в своем небольшом кабинете, глядя в окно. Это был грузный, широкоплечий мужчина с крупными чертами лица: немного выпученные глаза, большой нос, пухлые губы и прижатые к голове большие, словно расплющенные, уши. Он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, ослабил узел галстука.

Двухэтажное здание милиции когда-то было гордостью местных блюстителей порядка. Его специально построили к приезду болгарских друзей, еще в семьдесят четвертом, чтобы не показывать иностранцам бывшее здание городской милиции, находившееся в обычном бараке. Здание было построено с учетом того, что город будет расти и, по прогнозам, через двадцать пять лет его население должно было превысить пятьдесят тысяч человек. Но все получилось иначе. Через двадцать пять лет население города составляло чуть больше четырех тысяч человек. Здесь не было даже своего суда и прокуратуры, а городской

отдел милиции давно превратился в обычное провинциальное отделение, в котором работали только три сотрудника.

Левую часть здания переоборудовали под почту, а второй этаж отдали под отдел социального обеспечения, оставив милиционерам только два небольших кабинета, коридор и большой изолятор временного содержания, находившийся в подвале; в нем могли разместиться сразу сорок человек. Разумеется, изолятор городского отдела милиции строился в расчете на перспективу. Но такого количества преступников здесь просто никогда не было, и камеры почти всегда пустовали.

Начальником городской милиции, как он обычно любил себя называть, был майор Ильдус Сангеев, который работал здесь всю свою жизнь. Ему было уже под пятьдесят, и он понимал, что его карьера закончится именно в этом кабинете. За четверть века он получил три звания, каждое из которых ему давали с опозданием на несколько лет. Может, поэтому он стал майором только в сорок лет и с тех пор уже не получал никаких званий, так как это было высшее звание, на которое мог рассчитывать начальник городской милиции в таком забытом месте.

У Сангеева было две дочери, каждая из кото-

рых уже успела выйти замуж, родить детей и уехать в другой город. Старшая дочь переехала в Махачкалу, где ее супруг работал в городском суде, а младшая уехала в Литву, куда перебрался ее муж, сумевший получить даже литовское гражданство и устроиться на работу в таможеню. Сангеевы остались втроем в большом отцовском доме, в котором раньше жило не меньше десяти человек, — майор, его супруга и теща, которой было уже под восемьдесят. Как невесело шутил сам Ильдус Сангеев, он все время ждал, когда половину его большого дома отдадут под какие-нибудь административные нужды, разместив там поликлинику, или переведут туда его отделение. В его доме было гораздо больше свободного места и целых шесть комнат. Правда, там не было тюрьмы, но изолятор и так пустовал почти все время. Зато был погреб, в котором хранились соленья и вино.

Кроме самого майора, в отделении служили еще два сотрудника: сержант Ризван Максудов и лейтенант Альберт Орилин. Сержанту было сорок пять лет, он прослужил в милиции всю свою жизнь и собирался скоро выходить на пенсию. У него было четверо детей, старшему из которых было семнадцать, а младшему — восемь. Его суп-

руга работала главным акушером в местной больнице и пользовалась особым уважением местного населения. Может, поэтому сержант обладал покладистым характером: он привык, что все важные вопросы решает его супруга Хатира.

Лейтенант Альберт Орилин приехал сюда только два года назад. В первые четыре месяца он честно ходил на службу, тщательно брился, патрулировал улицы, делал замечания громко кричавшим женщинам и разнимал задиристых молодых людей. А потом у него началась обычная депрессия, которая случается в подобных местах. Он начал пить, перестал бриться, стал опаздывать на работу, а однажды даже два дня не выходил на службу. Майор Сангеев приехал к дому, в котором снял себе комнату молодой сотрудник, в полдень и попросил старую хозяйку пойти на базар и не появляться в доме в течение ближайших двух часов. Что произошло между майором и лейтенантом, никто так и не узнал. Но на следующий день майор появился на службе, чуть прихрамывая, а Орилин вышел на работу с синяком, расплывшимся вокруг левого глаза. С тех пор он исправно выходил на работу; правда, брился через день или через два.

Примерно три месяца назад он сошелся с

Алиной, местной женщиной, которая в одиночку воспитывала дочь. Ее муж уехал куда-то на Урал еще четыре года назад и с тех пор не писал и не появлялся в этих местах. Алина работала в небольшом магазине, кормила себя и свою дочь. Ей было далеко за тридцать, Орилину — только двадцать пять. Но они сошлись, и вскоре он переехал к ней. С тех пор лейтенант брился почти ежедневно и настроение у него значительно улучшилось.

Так они и существовали — трое сотрудников милиции на небольшой городок или поселок городского типа. Хотя официально считалось, что городской статус еще никто не отменял.

Ильдус Сангеев еще раз посмотрел на пустую улицу и вздохнул. В феврале на улицах почти не бывает людей. Здесь редко выпадает сильный снег, но пронизывающие холодные ветра буквально простреливают любого, кто осмеливается долго находиться на продуваемых улицах. Поэтому все сидят по домам или на своих рабочих местах. В городе уже давно нет ни консервного завода, ни обувного комбината, ни фабрики по переработке шерсти. Но зато есть небольшое предприятие по выделке кожи; работают две школы, поликлиника, библиотека, книжный магазин, в

котором давно уже не было никаких новых поступлений, местная больница, почта, различные коммунальные службы, хлебокомбинат, сразу четыре бара, два ресторана, небольшой отель «Мечта», в котором почти никто и никогда не останавливался, но который исправно работал все эти годы, а также два кооператива, один из которых делал кожаные ремешки для часов, поставляемые куда-то в российские области, а второй, более крупный, занимался производством сметаны, местного кефира, называемого гатыком, творога и других молочных продуктов, благо у многих жителей еще были свои коровы, которые помогали им выживать.

Ближе к двум часам на улицах появятся десятки детей, идущих по домам. В этом городе не было принято провожать детей в школу или встречать их после занятий. Все друг друга знали, редкие машины почти никогда не нарушали Правил дорожного движения, и дети, предоставленные самим себе, спокойно ходили в школу и обратно, ничего не опасаясь. Единственным происшествием, которое произошло за последние десять лет, был случай, когда бегающий без присмотра козел легко поранил одного из мальчишек. Козла сразу приговорили к смертной казни,